

АЛЕКСАНДР РАЗУМИХИН

РОГАТКА ДЛЯ ПУШКИНА

Сегодня можно услышать, что с распадом СССР мы потеряли очень много, но приобрели свободу. В том числе свободу читать, что хочешь, любых писателей, кого пожелаешь. Тех, кого раньше не печатали, кто был запрещён, кто был выслан и кто сам уехал. Свободе этой очень радовались. С тех пор прошло не так уж много времени, но, странное дело, многие ловят себя на мысли, что былая радость куда-то подевалась.

И потому что читать то, что нынче свободно можно – бери на прилавке! – зачастую нет никакого желания. Ни из первого ряда рейтинговых изданий отечественных авторов, ни из мировых бестселлеров с их миллионными тиражами по всему свету. В одних случаях – скучно, в других – противно.

И потому что свобода разрешила людям не читать вообще. Ни классики, ни новинок. Родилось понятие, объясняющее это явление, – слишком *много букафф*. Тратить на них время для кого-то лень, ибо требует некоторых усилий, для кого-то чтение не вписывается в модный тренд, сидеть в Twitter и в ВКонтакте куда престижней.

В результате мы перестали удивляться Лермонтову, который, оказывается, написал “Муму” и “Горе от ума”. Из Забайкалья знакомая учительница подружески разъясняет: “Я как-то писала о том, что выпускники филфака не читают “Преступление и наказание” в вузе, не читали “такой ерунды” (цитирую будущего педагога) и в школе... Так что... уже хорошо, что “Горе от ума” Лермонтову приписали, а не Гоголю. Стихи и прозу различают”.

Кто пограмотней (прокурор-депутат, журналист, возможно, филолог), может, и различают. А кто попроще, кто с детства только мяч и гонял, спортсменом стал, кто знает, может, считает “Муму” романом в стихах.

И тут я перехожу к занимательной теме: связи наших познаний по литературе в объёме школьной программы с поездками за рубеж, после которых в интернете появляются отклики путешествующих россиян, очень часто состоящие из реплик про то, что для одного “кухня отличная! Особенно рулька – пальчики оближешь!”, а для другого “выбор по меню нормальный, но цены мне показались выше среднего. Заказали утку, неплохо, но не более того. Рулька у товарища не впечатлила, показалась небольшой по сравнению с обычно подаваемыми”.

Согласитесь, каждый подобный отклик, содержащий отзыв о конкретном ресторане, одновременно прорисовывает профиль самого туриста. И он оказывается не всегда симпатичным, а иной раз и достаточно неприятным.

“Шикарное место, стены внутри расписаны картинами, балы и всё такое, вкусное пиво, еда великолепная и готовят недолго, не надо ждать, не обсчитывают”.

“В честь нашего шурика назвать ресторан – пушкиным... на самом деле ребят – ваще путевый ресторанчик – здесь можно отдохнуть компанией – можно даже шумной, есть отдельный кабинки – очень уютный, красивый и не дорогой...”

Последний отзыв я позволил себе дать в авторской орфографии и пунктуации. Из этих четырёх строк становится понятным, почему далеко не всех разъезжающих по свету россиян привечают за границей. И ведь попробуй объясни такому “путешественнику”, кто он такой есть и как выглядит в глазах иностранцев, и почему многие, пересекая границу, стараются держаться подальше от подобных соотечественников.

Впрочем, приведённые здесь отклики имеют ту особенность, что относятся к вполне реальному ресторанчику “Пушкин” (“Puškin”) неподалёку от Староместской площади в Праге.

Благодаря своему названию ресторан особо притягивает наших соотечественников. Ибо, что ни говори, встретить уголок русской истории в чужой стране всегда приятно. А уж тем более, когда столько людей побывало до меня в нём, столько услышало про то, что родословная хозяина ресторана напрямую связана с родом Пушкиных. Сколько посетителей ресторана рассматривали и наверняка фотографировали родословную пражского Павла Пушкина.

Правда, многие, даже знающие, что пражский Павел Пушкин из рода Пушкиных, по простоте душевной соотносят его с Александром Сергеевичем. Однако в данном случае родословная, представленная на стене ресторана, убеждает нас, что его происхождение следует как бы параллельной линией, точнее, от той ветви, которая ведёт своё продолжение от брата Александра Сергеевича Пушкина.

А посему, пережевывая мясо утки и запивая его пивом, посетители с глуповатым пиететом внимают рассказ официанта про родство хозяина заведения с Пушкиным по линии брата.

Все мы в школу ходили и на уроках по литературе присутствовали, что-то небось про Пушкина читали и произносили, мол, “наше всё”. И даже памятью о сказанных им словах, что “мы ленивы и нелюбопытны”, к себе лично эти слова никак не относим. Мы неграмотны и даже на уровень ликбеза не поднялись. А потому принимаем на веру всё, что слышим, нисколько не задумываясь.

Мне, признаюсь, не доводилось специально заниматься темой потомков нашего великого поэта (так обычно и привычно его величают, хотя велик он был и в прозе, и в драматургии). Но знаю, что в России прямых потомков А. С. Пушкина не осталось сейчас вовсе. Со смертью правнука поэта – Григория Григорьевича Пушкина (1997), с которым мне довелось быть лично знакомым, когда работал в книжном издательстве “Дружба народов”, и его сына Александра Григорьевича (1992) прервалась прямая мужская линия живших в Москве потомков Пушкина.

За рубежом по всему миру у Александра Сергеевича Пушкина (нашёл в своих записях) несколько лет назад оставалось 234 потомка. Поскольку в семьях потомков Пушкина рождалось больше девочек, прямых потомков (по мужской непрерывающейся линии) было немного. В последние годы иной раз можно было видеть, как потомки в том или ином составе собирались и приезжали в Россию.

Самым “знаменитым” среди потомков стал (в силу того, что событие произошло совсем недавно) прапраправнук поэта, старший сын герцога Вестминстерского Джеральда Гросвенора, который унаследовал от отца титул и состояние в 12,3 млрд долларов. Его мать, вдова Наталья Гросвенор, крестная мать принца Уильяма, дальний потомок Александра Сергеевича Пушкина, его правнучка. Так что 25-летний англичанин Хью Гросвенор, крестный отец принца Джорджа, сына принца Уильяма и Кейт Миддлтон, – прямой потомок Александра Пушкина по материнской линии, – стал самым молодым миллиардером Англии.

Родословное древо, нарисованное на стене пражского ресторана, иллюстрирует факт, что Павел Пушкин приходится прапраправнуком родного брата Александра Сергеевича. Следовательно, он, если я не ошибаюсь, является прапраправнучатым племянником Александра Сергеевича. Ни стихов он не пишет, ни в прозе не замечен, и вообще по-русски Павел Пушкин не говорит.

Сегодня 61-летний Павел Пушкин – бизнесмен. Окончил некогда школу ресторанного бизнеса, владеет несколькими ресторанами и кафе в Праге (в Кар-

ловых Варах я тоже видел ресторан “Пушкин”, смею предположить, что и его владелец Павел Пушкин), параллельно занимается недвижимостью. В одном из интервью сказал, что, сложись судьба иначе, он посвятил бы свою жизнь музыке. Но надо было кормить семью. Сохраняя в памяти пушкинские строки “Там русский дух... там Русью пахнет” и пытаюсь применить их к чешскому Пушкину, надо признать, что пушкинского в нём, по его собственному признанию, разве что нос в профиль. И вообще, в том же интервью он говорил:

“Можно сказать, что до 1968 года мы как-то не очень афишировали наше происхождение. Дедушка, конечно, нам говорил, что мы из этого рода, но это держалось в семейной тайне. Как говорил мой дедушка: “Тише едешь – дальше будешь”. Дедушка также боялся возможных репрессий”.

А в 1968 году, когда в Прагу вошли советские танки, у 13-летнего подростка-“русака”, как его стали обзывать одноклассники, при том что он родился в Праге (его родители переехали в Чехию в 1945 году с Западной Украины), было достаточно неприятностей.

После 1989 года 12 лет он провёл в эмиграции в Австрии, затем вернулся в Прагу и открыл здесь свой винный погребок. Тогда в его планы даже не входило использовать имя Пушкина:

“Я думал, – вновь цитирую интервью, – что люди будут меня как-то ассоциировать с именем Пушкина, или, может быть, у меня будут неприятности с русской мафией. Но владелица здания, в котором я открыл своё кафе и винный погребок, хотела, чтобы он назывался “Пушкин”.

Она оказалась права: в открывшийся ресторан людей приходит всё больше, и среди них много из России. Однако заслуги Павла Пушкина в названии ресторана я особой не нахожу. Как, впрочем, и особого его внимания к своим предкам. В подтверждение приведу ещё одну фразу, сказанную им журналистке. По словам Павла Пушкина, “немногие знают, что он – потомок рода Пушкиных, а точнее – той ветви, которая вела своё продолжение от Василия, брата Александра Пушкина”.

Стоп! Вообще-то имя единственного брата Александра Сергеевича – Лев, сам Пушкин называл его Лёвущкой. Оговорка? Незнание? Равнодушие? У родного брата Пушкина, Льва Сергеевича, от брака с Елизаветой Александровной Загряжской было четверо детей: Ольга (1844–1923); Анатолий (1846–1903); Софья (умерла в младенчестве) и Мария (1849–1928).

Анатолий никак не Василий. Но в представленной в ресторане родословной вслед за Львом Сергеевичем Пушкиным (1805–1852) – родным братом Александра Сергеевича, обозначено чётко: Василий Львович Пушкин (1848–1915).

Впрочем, можно попытаться вникнуть, разобраться и предположить, откуда у “родословной” пражского Павла Пушкина растут ноги. У Александра Пушкина был родственник Василий Львович Пушкин, но годы его жизни (1766–1830), это его дядя.

Невелика разница: брат или дядя? Но тут приходится говорить, что у дяди Пушкина законных наследников не было. Один из современников Василия Львовича писал: “Оставил он детей побочных, только не знаю, успел ли он что сделать для них”.

Насколько я знаю, там была долгая и громкая история: Василий Пушкин хотел узаконить незаконнорожденных детей, но так и не смог усыновить (удочерить) их. Тем не менее простолюдника Анна Николаевна Ворожейкина напрасно боялась: Василий Львович сумел обеспечить её и детей, дочку Маргариту и сына Льва (оба жили “в семье” на положении воспитанников): после смерти он оставил ей всё своё благоприобретённое движимое имущество (оставить им своё недвижимое имущество и имя, то есть фамилию и дворянство, он не имел права) и заёмные письма, по которым ей и Маргарите полагалось получить 110 тысяч рублей. Ещё 78 тысяч он задолжал настоящим кредиторам, и его брат Сергей Львович, морщась и охая, выплачивал эти деньги много лет.

И даже предположив, что у дядино сына Льва впоследствии был сын Василий, Пушкиным он быть никак не мог.

Ресторанная родословная, представленная на стенке заведения при входе, и даты, проставленные в ней, что-то не прояснили мне ситуацию.

Приятный ресторан – ограничусь этими словами. Хотя мог бы, как некто в интернете, сказать круче: “Ресторан “Пушкин” не сильно раскручен, понравился, интересный интерьер, ели блюда чешской кухни. Ну, и пиво, пиво, пиво... Официант понимал по-русски, это уже отлично!”

Действительно, если есть пиво, пиво, пиво... зачем задавать лишние вопросы? Пушкин под пиво – согласитесь, очень мило, кто-то даже скажет – патриотично. Тот случай, что, если даже никакого реального и законного Пушкина не было, его следовало придумать. Прекрасный маркетинговый ход.

А далее можно следовать известными рекламными ходами и приёмами:

“Этот уютный ресторан известен своим необычным литературным интерьером, а также большим выбором блюд, как традиционных чешских, так и других кухонь мира. Ресторан PUSHKIN сумел стать неким “оазисом тишины и умиротворения” на территории шумного города. Здесь всегда играет приятная классическая музыка, а интерьер сделан так, что хочется рассматривать даже самые мелкие детали. Чего стоят резные арки, росписи стен, рассказывающие посетителям историю дуэли, а также портреты самого поэта. Меню ресторана имеется на разных языках, в том числе и на русском. Гордостью ресторана являются такие блюда, как запечённая утка с картофелем, гуляш и традиционный картофельный суп”.

Адрес ресторана “Husova, 14”. Захотите, заходите! Пережёвывая запечённую утку с картофелем, можете вспомнить и другую “утку” – так называют непроверенную или преднамеренно ложную информацию, опубликованную с корыстной или иной целью. При желании не грешно улыбнуться или даже посмеяться. А что, характерный юмор по-чешски.

Хотя, если разобраться и “по чесноку”, знавал я из литературы этого брата Васю. Да и вы наверняка тоже. Помните?

– “Вася! – закричал первый сын лейтенанта Шмидта, вскакивая. – Родной братик! Узнаёшь брата Колю?”

И первый сын заключил второго сына в объятия.

– Узнаю! – воскликнул прозревший Вася. – Узнаю брата Колю!

Счастливая встреча ознаменовалась такими сумбурными ласками и столь необыкновенными по силе объятиями, что второй сын черноморского революционера вышел из них с побледневшим от боли лицом”.

Брат Коля, это хорошо известно всем читателям “Золотого телёнка”, только что получивший от предисполкома восемь рублей и три талона на обед в кооперативной столовой “Бывший друг желудка”, тогда на радостях помял его довольно сильно. Любители И. Ильфа и Е. Петрова прекрасно помнят, какими словами та встреча завершилась, когда оба-два выбежали на улицу, чувствуя большое облегчение.

“За углом исполкомовского дома они остановились.

– Кстати, о детстве, – сказал первый сын. – В детстве таких, как вы, я убивал на месте. Из рогатки.

– Почему? – радостно спросил второй сын знаменитого отца.

– Таковы суровые законы жизни. Или, короче выражаясь, жизнь диктует нам свои суровые законы”.

Рогатки для пражского Павла Пушкина, как бы это помягче сказать, самозванца, путившего в свет утку, у меня с собой не было.

Уважаемые читатели!

В №5 на стр. 285 при перечислении молодых писателей, открытых “Нашим современником”, выпали имена дорогих для нас авторов – Елизаветы Мартыновой, Андрея Антипина, Елены Тулушевой, а поэтесса Карина Сейдаметова названа Елизаветой.

Приносим извинения читателям и молодым авторам.